

сацыяльным статусам чалавека. У Рублі кажуць: “Натуру чловека не пэрэмніш – якім вон родівса, такім і ўмрэ”» [2, с. 23–24].

У кантэксте твораў Мікалая Пашкевіча актуалізуецца этымалагічная семантыка *мікратапонімаў*, якія захоўваюць каштоўную інфармацыю пра характар гаспадарання рубельцаў (“Назвай **Вольня** рубельцы абазначылі луг, дзе раней пасвілі **валоў** – непаваротлівых, але цягавітых жывёлаў: імі даводзілася араць зямлю, выконваць іншыя сельскагаспадарчыя работы” [1, с. 167]); пра вяскоўцаў – уладароў зямлі (“Ёсць у лексіцы вёскі Рубель назва ўрочышчаў, утвораныя ад асабовых імёнаў: **Іваночковэ, Косцючковэ**. Гэтыя мікратапонімы захоўваюць памяць пра гаспадароў, якія некалі мелі і па-сялянску дбаюць працоўвалі ўласную зямлю” [1, с. 167]); пра сацыяльную структуру вясковай грамады (“У цэнтральнай частцы вёскі жыла **шляхта**; за царквою, бліжэй да Хатомеля, – **мужыкі**, што і адлюстравалася ў мікратапонімах сяла: **Шляхта і Мужыкі**” [1, с. 24–25]).

Анамастыкон навукова-папулярных твораў Мікалая Пашкевіча мае агульнабеларускі нацыянальны характар. Шырока прадстаўлены ў ім рэгіянальны кампанент. Ядром сістэмы асабовых імёнаў, адлюстраванай у творах, з’яўляецца хрысціянскі іменаслоў, асвоены нацыянальнай мовай і мясцовай гаворкай. Інфармацыйная нагрузка мянушак і тапонімаў перадае асаблівасці ўспрымання і ацэнкі вяскоўцамі знешнасці, маральных якасцей, паводзінаў асобы, а таксама адлюстроўвае сацыяльную структуру соцыуму, асаблівасці гаспадарчага жыцця рубельцаў.

Літаратура

1. Пашкевіч, М.І. У родным слове адгукаецца душа / М.І. Пашкевіч. – Брэст: Альтэрнатыва, 2012. – 196 с.

Л.М. Вардомацкі

Витебский государственный университет имени П.М. Машерова
e-mail: Lvardomackij@gmail.com

УДК 811.161.1'373.231:658.87:94(476.5-25)"16"

ИМЕНОВАНИЯ ВЛАДЕЛЬЦЕВ ТОРГОВЫХ ЛАВОК ВИТЕБСКА XVII В. (НА МАТЕРИАЛЕ «ИНВЕНТАРЯ Г. ВИТЕБСКА» 1641 ГОДА)

Ключевые слова: *история языка, антропонимика, именованья, структура именованья, владельцы торговых объектов, социологический контекст.*

В статье впервые осуществляется попытка исследования структурных особенностей именованья одной из социальных групп жителей Витебска – владельцев торговых лавок. Материалом для исследования

послужили данные, полученные в результате переписи жителей города, которая была проведена в Витебске в 1641 году в связи с возвращением городу Магдебургского права. Исследование подтвердило гипотезу о том, что представленное в «Инвентаре Витебска» 1641 года разделение владельцев торговых лавок на три группы соотносится в основе своей с тремя различающимися в структурно-семантическом плане группами их именовании. Это, с одной стороны, очевидно свидетельствует о выраженной социальной неоднородности внутри самой группы витебских торговцев, с другой, – указывает на то, что основным источником пополнения этой социальной группы населения, в первую очередь, являлось крестьянство.

L.M. Vardomackij

Vitebsk State University named after P.M. Masherov

**NAMES OF THE OWNERS OF TRADING SHOPS
IN VITEBSK IN THE 17th CENTURY
(BASED ON THE “INVENTORY OF THE CITY OF VITEBSK” OF 1641)**

Key words: *history of language, anthroponymy, naming, structure of naming, owners of commercial facilities, sociological context.*

The article is the first attempt to study the structural features of the names of one of the social groups of Vitebsk residents – owners of trading shops. The material for the study was the data obtained as a result of the census of city residents, which was conducted in Vitebsk in 1641 in connection with the return of the Magdeburg Law to the city. The study confirmed the hypothesis that the division of owners of trading shops into three groups presented in the “Vitebsk Inventory” of 1641 is basically related to three different structurally and semantically groups of their names. On the one hand, this obviously indicates a pronounced social heterogeneity within the group of Vitebsk traders, on the other hand, it indicates that the main source of replenishment of this social group of the population, first of all, was the peasantry.

Изучение истории формирования антропонимной системы Беларуси представляет собою довольно сложную задачу. При обращении к этой проблеме исследователь на самом деле оказывается в почти полной зависимости от лингвистических особенностей памятников письменности, из которых извлекается антропонимический материал. А эти особенности, в свою очередь, определяются традициями письма, которых при оформлении какого-либо текста придерживался его автор, стилистическими характеристиками документа, диалектными особенностями территории, на которой был создан документ, наконец, просто опытом и грамотностью писцов. По этой причине даже в одном тексте по отношению к разным людям мы можем встретить: *Юрій* и *Юрий*, *Тимофей* и *Цымохъ*, *Афонась* и *Апанас* и т.д.

Настоящая работа – это одна из первых попыток осуществить системное исследование структурных особенностей именованных одной из групп жителей Витебска в социальном контексте – владельцев торговых лавок. Материалом для исследования послужили данные, полученные в результате переписи жителей города, которая была проведена в Витебске в 1641 году в связи с возвращением городу Магдебургского права. Результаты переписи представлены в «Инвентаре города Витебска» за 1641 год.

Отметим, что название этого документа в разных источниках представлено разными вариантами. Так, в одном случае (в современной языковой версии) читаем: «Инвентарь целого города Его Королевской Милости Витебска с принадлежащими ему некоторыми доходами Ярошем Маскевичем Дворянином Его Королевской Милости при даровании права Магдебургского списанный в году 1641 7 дня». Далее пояснение: «Составленный на старобелорусском языке и изложенный на латинице, хранится в рукописном отделе библиотеки Академии наук Литвы и до настоящего времени целиком нигде не опубликован» [2].

Может быть, автор этого пояснения имеет ввиду отсутствие публикации оригинального текста этого документа!? Потому что на самом деле документ был издан А. Сапуновым в 1883 году в 1-м томе «Витебской старины» под № 155 и названием «Инвентарь всего е. к. в. города Витебска с принадлежащими ему некоторыми доходными статьями, списанный дворянином Ярошем Мацкевичем, 1641 года, Ноября 2 дня, при даровании Магдебургского права» [2, с. 353]. Причем А. Сапунов дополнительно указывает: «Перевод с польского».

Кстати, обратим внимание на указанную здесь дату – 1641 год. Между тем, в «Витебской энциклопедии», в разделе «Краткая история», указана другая дата с пояснением: «1644, 25 ноября – польским королём и князем ВКЛ Владиславом IV... Витебску возвращено Магдебургское право и герб» [3].

Оставим историкам дискуссию о действительной дате возвращения Витебску Магдебургского права и о языке оригинала документа и обратимся к предмету нашего исследования – именованным владельцам торговых объектов Витебска, представленным в Инвентаре» 1641 года и опубликованным в редакции А. Сапунова.

Магдебургское право – это право на самоуправление. Но городское самоуправление требует создания управляющих и юридических органов, для сдержания которых городу нужно формировать бюджет. А, как известно, доходная часть любого бюджета складывается прежде всего из налогов. Поэтому в городе начинают поощряться и активно развиваться такие виды деятельности, которые являются налогоемкими, быстро окупаемы и приносят устойчивый доход городской казне. А это, естественно, торговля и таможня. Именно с целью необходимости учета доходов и налогоплательщиков и подготовлен Ярошем Маскевичем анализируемый

«Инвентарь г. Витебска с принадлежащими ему некоторыми доходными статьями». А виды платежей, как указано в «Инвентаре», были самые разнообразные: «Мѣровые, локтевые, полавочные, мелочно-торговые (сборы), перевозъ на рѣкѣ Двинѣ, струговые, лодочные (сборы) и другія доходныя статьи, которыми пользовался городъ Витебекъ на основаніи правъ и привилегій, принадлежать ему и нынѣ» [5, с. 353].

Возвращение Витебску Магдебургского права породило новые социально-экономические условия, которые активно содействовали развитию не только собственно торговли, что само по себе не ново, но и формированию и пополнению нового сословия людей, занимающихся этим видом деятельности, которая постепенно становится их профессией.

Согласно «Инвентарю» Яроша Мацкевича, в 1641 году в Витебске было около 80-ти различных торговых лавок и «прилавков». Из них – 37 лавок, которые переписчик выделяет в отдельную группу, предваряя ее таким подзаголовком: «Во-первых, рыночныя лавки». Далее перечисляются «горшечныхъ лавокъ восемь и тѣхъ, въ которыхъ продается соль, – шесть». «Лавки мясныя» – 17 лавок. Владельцы всех этих лавок указаны поименно. Однако были в городе еще и пирожные лавки: *«Здѣсь же торгъ (рынокъ), гдѣ хлѣбъ и пироги продають... всѣ эти пекаря и пекарки, что на разныхъ мѣстахъ торгуютъ»*. Имена владельцев этих «торговых точек» не указаны, хоть и указан размер налога для них. Вероятно, это были не стационарные торговые точки, а такие, «что на разныхъ мѣстахъ торгуютъ».

С учетом этих указаний можно предположить, что в 1641 году в Витебске было около 100 человек – владельцев торговых лавок и других торговых мест. Структурный, словообразовательный и семантический анализ их имен и прозвищ может быть интересен с точки зрения возможных выводов и обобщений относительно их социального статуса и положения как среди других слоев жителей города Витебска рассматриваемого времени, так и внутри самой социальной группы. На это обстоятельство указывает, например, В.А. Никонов: «Фамилия социальна. Она возникла в определенных социальных слоях, обслуживая интересы данного слоя» [4, с. 181]. Интересно, что и в нашем случае именованія владельцев различных групп торговых лавок заметно различаются, что может свидетельствовать о различении переписчиком их социального статуса, который, вероятно, зависел от местоположения и предназначения торговых лавок, а также от того, когда и откуда пришел человек, пополнившій социальную группу владельцев торговых лавок.

В тексте «Инвентаря» владельцы торговых лавок, как уже было сказано, разделены на три группы.

В отдельную – первую – группу, переписчиком выделены собственно рыночныя лавки, размещенные на рыночной площади, то есть в экономическом центре города. Именованія их владельцев (а их 36) представлены в основном тремя подгруппами двухкомпонентных структур.

Первая подгруппа, это выраженное сочетание имени и фамилии: *Данила Высоцкий, Никита Алешин, Матвей Игнатов, Яков Родионов, Федор Манушев, Федор Дуников, Богдан Капичин*. В одном случае именование представлено трехкомпонентной структурой – *Захар Павлов Чарновский*. И в одном случае именование представлено только фамилией – *Сухоруков*. Эти последние примеры как раз и подтверждают, что второй элемент именованья в перечисленных случаях уже не прозвище, а фамилия. (Ср.: в тексте два именованья: «*Лавка Сухорукова*» и «*прилавок Гуторов*», где отчетливо прослеживается словообразовательная связь: *лавка Сухорукова – чья? от Сухоруков*; но *прилавок Гуторов – чей? от Гутор*).

Вторая подгруппа – двухкомпонентные именованья, в которых второй элемент по происхождению отчество. В этих случаях идентифицировать второй элемент как фамилию на –*ович* (широко известные формы фамилий в настоящее время) по отношению к данному тексту еще не представляется возможным. Однако такие двухкомпонентные именованья, которые назовем почтительными, свидетельствуют об особом социальном статусе этих людей и почтительном отношении к ним переписчика: *Богдан Харитонович, Стефан Павлович, Стефан Петрович, Василь Бонич, Григорий Бонич, Богдан Микулич, Андрей Микулич, Артем Симонович, Артем Федорович, Степан Петрович, Леон Богданович, Григорий Карнович*.

Одной лавкой в этом ряду владела женщина – вдова *Василевичева* (то есть жена *Василевича*).

Третью подгруппу именованья владельцев лавок на рыночной площади Витебска составляют двухкомпонентные именованья, вторая часть которых восходит к прозвищам. Однако сочетания этих «прозвищ» с собственными именами, употребляемыми в полной форме, практическое отсутствие форм уничижительного характера (за единичным исключением – *Мишка*) позволяет предположить уважительное отношение переписчика и к этой группе владельцев лавок, для которых, вероятно, прозвища в среде горожан уже приобретают значение фамилий: *Алексей Кнер, Иван Кабиба, Захар Лосушка, Василий Коробан, Никита Заяц, Николай Олейник, Федор Бирюк, Тимофей Опухлик, Авсей Мороз, Федор Сухорук, Лаврен Волк, Мишка Глушак, Матвей Лытка, Роман Козел*.

Вторая группа именованья – именованья владельцев мясных лавок. Их по инвентарю в городе 17, и они не отличаются таким формально-стилистическим единством, как это наблюдаем в первой группе. Здесь видим и двухкомпонентные именованья и однокомпонентные. В двухкомпонентных первый компонент – собственно имя – представлено в нейтрально-официальной форме, а второй компонент, сохраняя этимологически прозвищный характер, одновременно уже демонстрирует этап формирования устойчивых фамилий такого типа: *Иван Чарны, Никита Москаль, Юрий Зюка, Тимофей Зюка, Федор Клыга, Федор Галуза*. (Сравним совре-

менные широко известные белорусские фамилии такого типа: *Абабурка, Булыка, Галуза, Заика, Клышка, Шкраба* и мн. др.).

Выраженными прозвищами здесь являются однокомпонентные именованья: *Шклея, Гутор, Локуцьвок* (лавки 2 *Шклеевы, прилавок Гуторов, лавка Локуцьвока на углу*).

В этой же группе находим и два двухкомпонентных именованья с именем и отчеством, не типичных для данной группы – *Степан Петрович* и *Григорий Карпович*. Однако эта особенность имеет простое объяснение: у этих людей мясная лавка – вторая. Первая – на рыночной площади.

Нетипичным для группы владельцев мясных лавок является именование *Агроновский*. (Имя не указано, владеет двумя мясными лавками). Как известно, фамилии этого типа (на *-цк-ий / -ск-ий*) типичны для белорусского и польского языков. Однако такие фамилии изначально были у польской аристократии и образовывались, как правило, от названия имений. Такое происхождение первоначально придавало фамилиям социальную престижность, указывало на то, что их носители – владельцы крупных одноименных поместий. Однако со временем значительная часть фамилий на *-ский/-цкий* распространилась также в низших социальных слоях, в том числе, в крестьянской среде, потеряв первоначальную топонимическую основу, чему и наш случай является примером [1].

Третья группа – владельцы горшечных лавок (их в городе 8) и соляных (их 6). Именованья владельцев этих лавок, объединенных переписчиком в одну группу, существенно отличаются от первых двух. Часть представителей этой группы торговцев представлена однокомпонентными именованьями. Как правило, это или собственно имя – *Никон, Дмитр, Карп* (лавка *Никона, лавка Дракулы, лавка Дмитра*), или имя-прозвище – *Печонка, Дракула, Пест, Забка* (лавка *Печонки, лавка Дракулы, лавка Песта, лавка Забкина*).

Двухкомпонентные именованья представителей этой группы торговцев также представлены именованьями прозвищного характера с уничижительной в некоторых случаях формой первого компонента – имени, хоть некоторые из них были, вероятно, достаточно зажиточными людьми и владели двумя лавками: *Отрошек Скраба, Ходзка Скраба, Иван Копица* (от *копица* – ‘небольшая копна’), *Осип Шишка, Ждан Гончар* (лавка *Отрошка Скрабы, лавка Ходзки Скрабы, лавка Ивана Копицы, лавка Ждана Гончара, прилавок Осипа Шишки*).

Как видим, представленное в инвентаре Витебска 1641 года разделение владельцев торговых лавок на три группы, с очевидностью соотносится в основе своей с тремя различающимися в структурно-семантическом плане группами их именованьями. Это, с одной стороны, очевидно свидетельствует о выраженной социальной неоднородности внутри самой группы витебских торговцев, с другой, – указывает на пути и источники пополнения этой социальной группы населения Витебска. Высокий социальный

статус купечества формируется лишь к концу XVIII века, что проявляется в последовательном переходе на использование в их отношении трехкомпонентных именовании. По наблюдениям С.Г. Шейдаевой, более половины всех купеческих фамилий, проанализированных ею, «были образованы от личных и профессиональных прозвищ. Это связано с тем, что купцами становились, прежде всего, выходцы из крестьян-ремесленников, в массе своей бесфамильных, но имевших помимо личного имени еще и прозвище» [6, с. 400]. Выходцы из крестьян и ремесленников в основном и пополняли ряды витебских лавочников. Некоторые из них (представители второй и третьей групп) торговали первоначально продуктами и предметами собственного производства, в том числе мясом. Отсюда и формы их именовании, соотносимые с формами именовании крестьян.

Литература

1. Белорусские фамилии. – URL: [https://www.wikiwand.com/ru/articles/Белорусские фамилии](https://www.wikiwand.com/ru/articles/Белорусские_фамилии) (дата обращения: 02.04.2025).
2. Витебская энциклопедия. Магдебургское право. – URL: <http://evitebsk.com/wiki/> (дата обращения: 25.03.2025).
3. Витебская энциклопедия. – URL: [http://evitebsk.com/wiki/Заглавная страница](http://evitebsk.com/wiki/Заглавная_страница) (дата обращения: 26.03.2025).
4. Никонов, В.А. Имя и общество / В.А. Никонов. – Москва: Наука. 1974 г. – 278 с.
5. Сапунов, А. Витебская старина. Т. 1 / А. Сапунов. – Витебск, 1883. – 669 с. – URL: <https://www.prlib.ru/item/1091194> (дата обращения: 25.03.2025).
6. Шейдаева, С.Г. Русские купеческие фамилии XVII – XIX вв. / С.Г. Шейдаева // Вестник Удмуртского университета. Серия история и филология. – Т. 28, вып. 3. – 2018.

М.В. Василькова

Витебский государственный университет имени П.М. Машерова
e-mail: MOV.Vitebsk@rambler.ru

УДК 81'25:004.9

СПОСОБЫ И ПРИЁМЫ ПЕРЕВОДА ЯЗЫКОВОГО НАПОЛНЕНИЯ МОБИЛЬНОГО ПРИЛОЖЕНИЯ «ВАСИЛЬКОВЫЙ КРАЙ – LIFE»

Ключевые слова: *мобильное приложение, способ перевода, прием перевода, безэквивалентная лексика, историко-культурное наследие.*

В данной статье проведен сопоставительный анализ русскоязычных и англоязычных прецедентных имен с точки зрения переводческих трансформаций на основе текстов мобильного приложения «Васильковский край – Life». Данное приложение было создано в 2021 году и реализуется в настоящее время с целью повышения туристической привлекательности